

нельзя не признать, что описания Б. В. Фармаковским иных тем обнаруживают явные элементы систематического синтеза,—того синтеза, который редко бывает доступен археологам и встречается в специальной литературе лишь как особое исключение.

Определенное выражение в чисто искусствоведном разрезе вызывает только одно утверждение автора: «одежды у скульптур Парфенона не реальны и... стилизация у них преобладает над действительной натурой... у одежд фигур Парфенона нет реальной характеристики материи» (199).—Именно на фигурах тех трех богинь восточного фронтона, которые имеются здесь в виду, льняные хитоны и шерстяные гиматии настолько явно различены ваятелем, что с заключением Б. В. Фармаковского согласиться просто нельзя.

Остановимся еще на общих точках зрения и историко-культурных характеристиках автора. В этой области, наиболее философичной по методу и, быть-может, наиболее интимной по воззрениям, некоторые аналогии, проводимые в книге, представляются нам не вполне убедительными; например, эллинизм и христианство (186 сл.), или военно-революционная современность 1918 г. и Афины V века, — такие сочетания обнаруживают очень приблизительные параллели, которые совсем расходятся, в наших глазах к стр. 181, где вырисовывается духовный облик Фидия... Ведь эллинское мирозерцание и наше наукообразие вряд ли соизмеримы, и «вера в богов» и «вера в науку» — совсем разные веры.

Некоторое преувеличение мы предусматриваем в подчеркивании того афинского оптимизма V в. (85 сл.), который в данном воззрении, правда, согласуется с оптимизмом самого автора (вводная глава), но, взятый объективно, плохо вяжется с открытой Ницше трагической подпочвой культуры Антики. *Страдание по красоте*, породившее эллинский гений, совсем не отмечено исследователем.

Кроме того, эволюционизм историка как-будто не дооценивает здесь надвременное, классическое своеобразие волевого синтеза рассматриваемой эпохи; пусть «царство чистой и совершенной культуры» есть идеал Перикловой эпохи,

однако, вряд ли можно выводить его из элементов прошлого, как явление чисто временного ряда, как результат славных побед и заслуженного триумфа.

Конечно, V век вырос из VI, но художественная душа V века воспиталась на основе данных своего собственного подсознания. И в этой характеристике антической души хотелось бы встретиться с большей индивидуализацией предмета.

Указанные особенности общих предпосылок автора отнюдь, впрочем, не нарушают впечатления значительности, производимого книгой. Достоинства работы Б. В. Фармаковского вполне очевидны, говорят сами за себя и не требуют никаких апологий.

Проф. Д. Недович.

FRANZ LANDSBERGER. Impressionismus und Expressionismus (Eine Einführung in das Wesen der neuen Kunst). Lpz., 1920.

Ф. ЛАНДСБЕРГЕР. Импрессионизм и экспрессионизм. (Введение в новое искусство). Лейпциг, 1920.

Вышедшая под этим заглавием книжка известного германского ученого посвящена теме, одновременно и более узкой и более широкой, чем говорит об этом название. Собственно говоря, взаимоотношение между импрессионизмом и экспрессионизмом является для Ландсбергера в данном случае поводом для другого вопроса, остро выдвинутого современными художественными течениями. Вопрос этот сводится к проблеме изобразительности в живописи. Как известно, начиная с пост-импрессионизма (Сезанн, Ван-Гог), европейская живопись стала все сильнее и определеннее отходить от чисто изобразительных, натуралистических задач, путем — сначала деформации природных форм, а затем полного от них отказа и перехода к беспредметному творчеству. Особенность экспрессионизма, как правильно отмечает Ландсбергер, заключается в том, что он подошел к материалу не с точки зрения объективного построения (как это до

некоторой степени характерно для кубизма и футуризма), а с точки зрения субъективно-эмоциональной. Критикуя экспрессионизм, Ландсбергер указывает, что всякая живописная форма, взятая как таковая, может быть либо предметной (в орнаменте, в художественном производстве), либо иллюзионистской, т.-е. изобразительной. Аналогия с музыкой, которая пользуется чистой формой для выражения душевных эмоций и на которую любят ссылаться вожди экспрессионизма (например, Кандинский), не выдерживает, по мнению Ландсбергера, никакой критики: в то время, как цвет немислим в восприятии без предмета, являющегося его носителем,—звук, напротив, переживается нами безотносительно, будучи не качеством предмета, а его порождением. Игнорируя это принципиальное различие, не являясь производственным и в то же время не принимая изобразительности, экспрессионизм неизбежно попадает в тупик: он лишается реальных целей для творчества, а потому вынужден, за неимением собственных форм, пользоваться чужими, т.-е. прибегать к стилизации под детей, дикарей и т. д.

Все это, конечно, совершенно верно, но какой же практический вывод должен быть отсюда сделан? Ландсбергер прямо не говорит, но целый ряд замечаний и глубокое сочувствие к импрессионистам позволяют утверждать, что для немецкого профессора выход дается возвратом назад, к реализму. С Ландсбергером повторяется то, что типично для новейшей буржуазной интеллигенции вообще, она сильна в критике и совершенно безнадежна в положительной программе. Экспрессионизм является одним из болезненнейших, а главное — неосознанных, стихийных проявлений разложения станковых изобразительных форм,—разложения, которое рано или поздно приведет и немецкого художника к необходимости обратиться к чистому материалу. Что же он будет с ним делать? Ясно, что, оставаясь индивидуалистически оторванным от жизни, он не находит ничего другого, как бесцельную игру красок à la Кандинский. Но жизнь сильнее личности. Могучий натиск пролетарского движения выдвинет

и перед ним (как перед русским художником) задачу социального строительства. А тогда игра в материал претворится в реальное делание вещей. Экспрессионист, разумеется, об этом и во сне не мечтает, но такова уж судьба современной интеллигенции: она выполняет свою историческую миссию не потому, что понимает и хочет ее, а потому, что история за шиворот тащит ее на предназначенное ей место. Процесс эволюции этим, правда, замедляется, но не отменяется.

Б. Арватов.

П. П. ПЕРЦЕВ. Щукинское собрание французской живописи. Музей новой западной живописи. Москва. Б. Знаменский пер., 8. Москва. Издание М. и С. Сабашниковых. 1921. 8°. Стр. 120. Без цены.

Книга представляется симптоматичной и чрезвычайно поучительной. — Путеводителя по замечательным московским собраниям новейшей французской живописи мы ждали давно. Но книга П. Перцева честолюбива: она хочет дать больше, чем только путеводитель. Полученный результат — о нем позволительно сказать два слова в начале же: не годится. Книгу Перцева мы считаем более чем бесполезной: вредной. Ее подробный разбор представляется в силу этого необходимым.

Во «вступлении» автор противопоставляет «пластический» взгляд на живопись «литературному» («западный» и «русский»), требуя для них некоторых равных прав в суждениях о живописи. — «Формализм» в искусствоведении, заметим от себя, представляется нам изжитым. Но это не предвещает возврата к сюжетной точке зрения, которая отождествляется автором с литературной. Дело идет о более глубоком. Имманентной критике искусства противопоставляется трансцендентная: и, может-быть, от забвения этого и вытекают все дальнейшие промахи. «Желание и умение смотреть», о котором сказано на стр. 6, выставляет требование определенной и четкой методологии.

О шаткости ее свидетельствует вся книга! Одна черта чрезвычайно харак